

Средь племен Руси обширной
Станем в первые ряды...
Будет мир, – народ мы мирный,
Грянет гром, – сыны войны!...

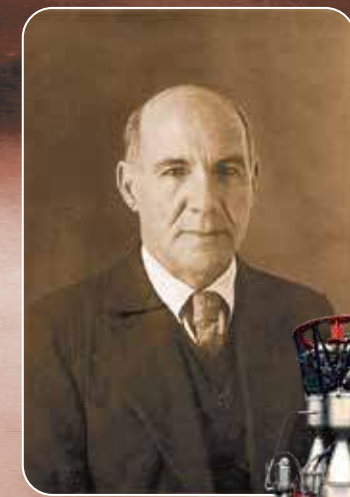
Никандр Чесноков

Шестнадцатые Константиновские
краеведческие чтения им. А. Кошманова

2023

Шестнадцатые
Константиновские
краеведческие чтения
им. А. Кошманова

2023

ФОНД ИМ. СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

Государственное бюджетное профессиональное
образовательное учреждение Ростовской области
«Константиновский педагогический колледж»
Ростовское региональное отделение Союза краеведов России
Общественное объединение «Константиновский краевед»

**Шестнадцатые
Константиновские
краеведческие чтения
им. А. Кошманова
2023**

Альтаир
Ростов-на-Дону
2024

ББК 63(3)2
П99

*Организаторы Чтений выражают благодарность
Фонду имени священника Ильи Попова
за издание данного сборника.*

П99 Шестнадцатые Константиновские краеведческие чтения
им. А. Кошманова. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2024. – 576 с.: ил.

Сборник содержит материалы 16-х Константиновских краеведческих чтений им. А. Кошманова, проходивших 6–7 октября 2023 года на базе Константиновского педагогического колледжа и этно-археологического комплекса «Затерянный мир».

ISBN 978-5-91951-809-9

ББК 63(3)2

© Коллектив авторов, 2024

© Оформление ООО «Альтаир», 2024

Имперское законодательство и политика войсковых властей в отношении старообрядцев Дона во второй половине XIX века

В данной статье анализируется государственная политика Российской империи и войсковой администрации в отношении старообрядцев Дона во второй половине XIX в. Именно этот период стал отправной точкой эволюции во взаимоотношениях государства и старообрядчества. На данном этапе государство позволило «глаголемым раскольникам» перестать чувствовать себя гонимыми и постепенно встраиваться в новую правовую систему отношений.

Актуальность данной работы заключается во все большей публикационной активности отечественных авторов относительно изучения старообрядчества и его различных направлений. Несмотря на частоту публикаций, большинство авторов прибегают к историографической традиции, рассматривая старообрядчество как «раскольничество» с присущими элементами заблуждений. К сожалению, такой подход отражает односторонний взгляд на данный профессиональный феномен. В этой связи, мы считаем необходимым сказать о разнообразии уничижительных слов в отношении «именуемых раскольников» и отразить их классификацию.

Иногда авторы относят к простонародным сектам хлыстов, молокан, духоборов и др. К интеллигентным – толстовцев, пашковцев и др. Данная классификация очень условна и не учитывает ни многообразия религиозно-конфессиональных групп, ни различия содержания их учений. В этом отношении стоит упомянуть важную работу о личности В.А. Пашкова и его учении, которую написал Ф.Н. Никитин¹. Если же говорить о более удачных классификациях, то одним из ориентиров можно считать классификацию П.Ю. Мельникова: «все секты делились на 3 группы:

¹ Никитин Ф.Н. В.А. Пашков (1831–1902): жизнь и служение. Корнталь: Свет на Востоке, 2020. 224 с.

старообрядческие, рационалистические и мистические. Традиционно наименование сектантов применяется к двум последним группам; старообрядцы изначально обозначались термином "раскольники", хотя к концу XIX в. в него включались представители всех сект². К наиболее вредным в религиозно-эстетическом смысле относились мистические (скопцы, духоборы), которые в правовом пространстве государства именовались «злейшими сектами». Следует подчеркнуть, что в данном исследовании мы будем говорить о старообрядчестве. Использовать ярлыки «раскольники» и «сектанты» будем только в завыченном виде.

Напомним, что старообрядчество с момента появления на исторической арене рассматривалось как антигосударственный элемент, с которым необходимо было бороться разными средствами³. Например, в соответствии с законом 1853 г. старообрядцам запрещался выезд за пределы Российской империи, но мы прекрасно понимаем, что для старообрядцев это обстоятельство не являлось препятствием. Напоминаем о старообрядческом центре – Белая Криница в Австро-Венгрии.

Но со временем государственная политика сменяет свой курс с позиций сильного давления на постепенное послабление. Следовательно, вся законотворческая цепочка выстраивания отношений со старообрядчеством представляла следующий формат взаимоотношений. По «возможности не давать распространяться лжеучению и направлять заблуждающих к сближению с церковью»⁴. Закон 1863 г. предусматривал, если представитель официальной церкви уходит в «раскол», то его следует увещевать и напутствовать через местного священника или содействием миссионеров, не применяя никаких взысканий. Т.е. данный законодательный

² Мельников П.Ю. Правовое положение христианских сектантов Российской империи во второй половине XIX века // Вестник СГЮА, №4 (99). 2014. С.119–125.

³ Кальниченко В.Н. Единоверие на территории Области Войска Донского в 1840–1905 гг.: от образования к функционированию в регионе // XXVII Сретенские чтения: Материалы Всероссийской (национальной) научно-богословской конференции с международным участием (Москва, 19–20 февраля 2021 г.) / сост. З.М. Дашевская. М., Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2021. С. 211–217.

⁴ Собрание постановлений по части раскола. Лондон, Т.1: Постановления Министерства внутренних дел. Вып. 1. 1863. С.6.

проект закреплял принцип *гуманного* отношения к «совратившимся».

В продолжение *гуманности*, в данном случае к особенностям военного законодательства в отношении казачьей службы следует отметить несколько примечательных положений. 15 января 1865 г. в «Сборнике правительственных распоряжений по казачьим войскам» выходит постановление «О распространении на иррегулярные войска правил о порядке производства дел о раскольниках войск регулярных». «На основании 4, 5 и 8 пунктов означенных правил нижние чины, сами совратившиеся в раскол или подозреваемые в совращении других <...> должны быть переводимы в другие части войск, более или менее отдаленные <...> но мера эта <...> применяется только к раскольникам войск регулярных»⁵. Из этого следует, что нижние чины регулярных войск, если имели отношение к «расколу», то в соответствии с этим положением должны быть переведены в отдаленные места службы. Эти переводы «по смыслу означенных правил допущены не как мера наказания, а как средство к предупреждению укоренения и распространения раскола»⁶.

Из упомянутых данных мы наблюдаем, что это распоряжение распространяется на регулярные войска, но как обстояли дела с иррегулярными, к которым принадлежали казачьи войска? 11-й пункт гласит: «... переводы совратившихся в раскол и тайных совратителей из одной части войск в другую допускаются только в войска регулярных». Принадлежащие к казачьему сословию разделялись на две категории: одни находятся на службе в определенных войсках, а других находятся на льготе дома. На вторых правила перевода не распространяются, т.к. они остаются в ведении гражданских ведомств. Казаки, которые находились на службе «оставляются на местах прежнего служения, с подчинением особому надзору ближайшего начальства»⁷. Обстоятельство различий в данных «правилах» пояснялось: «... казаки находятся

⁵ Собрание постановлений по части раскола. Указ. соч. С.10.

⁶ Там же. С.12–13.

⁷ Там же. С.14.

совершенно в других условиях; как при поступлении на службу, так и во время продолжения оной...»⁸.

Справедливо также отметить случай в плоскости гражданских взаимоотношений, но уже в Донском регионе. В ст. Верхнечирской собирались учредить единоверческий приход, но в ходе жарких дискуссий миссионеров со старообрядческими начетчиками, верующие решили не воссоединяться с господствующей церковью и отозвали свое прошение. «В конце августа 1872 г. архиепископ Платон обратился к Наказанному атаману войска Донского с прошением о передаче опечатанного старообрядческого молитвенного дома для нужд образуемого единоверческого прихода в ст. Верхнечирской»⁹. Наказной атаман, сослался на то, что его можно передать в пользование официальной церкви только по судебному решению. Несмотря на официальный статус и авторитет господствующей церкви данная инициатива не была реализована.

В продолжении принципа «ни кнутом, но пряником» выходят в свет два государственных закона в отношении старообрядцев 19 апреля 1874 г. и 3 мая 1883 г. В соответствии с законом 1874 г. старообрядцам разрешалось регистрировать свои браки, но в специальных для этого метрических книгах, находящихся в ведении полицейских органов. Однако, эта процедура не была такой простой как может показаться. Во-первых, супруги должны были доказать, что они с рождения принадлежат к «раскольничеству». Если «брачующиеся» перешли в старообрядчество, то это влекло законодательное осуждение. В таких условиях, многие старообрядцы прибегали к услугам священников из господствующей церкви, формально закрепляясь к местному приходу. В исповедных ведомостях мы неоднократно встречали такие случаи, в «Примечании» которых говорилось о длительном отсутствии некоторых верующих на исповеди¹⁰.

⁸ Собрание постановлений по части раскола. Указ. соч. С.13.

⁹ Сочинения / Иоанн (Картушин), архиепископ Московский; Архивно-библиотечный отдел Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. Подгот. текстов к изд., научн. ред., сост., прим. В.В. Боченкова. М., Маргарит, 2012. С.11.

¹⁰ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.13. Оп.1. Д.47. Л.27.

Утвержденные в 1875 г. «Правила» легализовали многие старообрядческие направления, в первую очередь, представители приемлющих священство стали пользоваться широкими правами, относительно предыдущих законодательных актов. Теперь им предоставлялось право свободнее отправлять свои богослужения, выезжать за границу. А также старообрядцам дозволялось заниматься иконописанием (для своих нужд), занимать некоторые общественные (но не государственные) должности, учреждать свои школы грамотности¹¹.

Закон 3 мая 1883 г. по-прежнему не признавал духовных званий за старообрядческим духовенством. Им разрешалось «творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужение по их обрядам как в частных домах», так и «предназначенных для сего зданиях, с тем лишь неперменным условием, чтобы при этом не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка». Несмотря на расширение прав, старообрядцам воспрещалось именоваться и записываться духовными лицами, эти же запрещения касались и внешнего вида.

Но старообрядцы, исходя из своих взглядов, их *нарушали*. Так, «лжепоп Австрийской лжеиерархии – Пятиизбянской станицы 2 Донского округа казак Никифор Рудов, который нисколько не стесняясь нарушать существующие законы относительно публичного оказательства раскола – носит длинную одежду (подрясник) и имеет длинные волосы»¹². Подобная же тенденция наблюдалась и в Березовском благочинии: «все они носят длинные волосы и одежду по форме православного духовенства»¹³.

Терпимое отношение войсковых властей мы видим в главном городе Области Войска Донского в г. Новочеркасске. На 1895 г. «Раскольнических молелен в г. Новочеркасске 4, из них две Австрийского толка (Сербиновская и Косовская), одна беглопоповская (Радухинская) и одна безпоповщенская (Шапошниковская).

¹¹ Кулиев Ф.М. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. №6. 2011. С.231–234.

¹² ГАРО. Ф.226. Оп.19. Д.76. Л.36 об.

¹³ Там же.

Все эти моленные Правительством не дозволены, <...> открыто совершают в них свои богослужения»¹⁴. Парадоксально, что в столице Войска Донского были сосредоточены наиболее крупные старообрядческие направления, которые спокойно сосуществовали с представителями господствующей церкви. В Кагальницкое благочиние входил х. Мало-Западенский ст. Манычской, где «находятся две раскольнических моленных не дозволенных Правительством»¹⁵. Но бывали и случаи, когда моленные запечатывались войсковым правительством. В поле зрения миссионеров и войсковых властей была Пятиизбянская станица. Старообрядческий епископ Силуан (Морозов) в 1882 г. решил организовать монастырь на стыке двух станиц Пятиизбянской и Верхнечирской¹⁶. Но по просьбе верующих место монастыря было передвинуто, т.к. прежнее место было очень привлекательным для миссионеров. «В августе 1883 г. епископ Силуан освятил моленный дом. На богослужение собралось около 5 тыс. старообрядцев»¹⁷. Вскоре был составлен донос епархиальному начальству на старообрядческого архиерея. К самому приезду судебного следователя все богослужебные предметы были спрятаны, но все же следователь опечатал это здание. Началось затяжное расследование. В 1885 г. епископа Силуана (Морозова) привлекли к ответственности. Сторона господствующей церкви доказывала, что это строение является храмом, старообрядцы, в свою очередь, отстаивали, что это обычный жилой дом. Без каверзного случая не обошлось. На допросе инок Герасима спросили: пелось ли при освящении «Кто есть сей царь славы»? Ответ был вполне резонен: – «Как же, пели»¹⁸. «Приговором Усть-Медведицкого окружного суда епископ Силуан и священноинок Илья, игумен, – были осуждены на восемь месяцев тюрьмы»¹⁹. После обжалования в вышестоящей инстанции в Харьковской судебной палате было доказано, что строился

¹⁴ ГАРО. Ф.226. Оп.19. Д.76. Л.65–66.

¹⁵ ГАРО. Ф.226. Оп.19. Д.76. Л.42.

¹⁶ Сочинения / Иоанн (Картушин). Указ. соч. С.28.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 29.

не монастырь, а частный дом. Войсковой наказной атаман определил следующим образом. «Проживать в богадельне могут только те, кто принадлежит к числу жителей станицы Пятиизбянской»²⁰. Большинство иноков пришлось покинуть это место, но насильной высылки этих граждан мы не встретили. Спустя время мы видим иной расклад, снова пребывали иноки и монастырь расширялся. Это обстоятельство вынудило старообрядцев обратиться к войсковому начальству с ходатайством о дозволении строительства молельной или снятия печатей, но получили отказ.

Важным аспектом в проведении «противораскольнической» политики на Дону являлось взаимоотношение старообрядцев и местных государственных органов. В Новониколаевском благочинии в 1895 г. отношение «раскольников» к власти характеризуется так: «к гражданским властям почтительны и покорны»²¹. В Успенской слободе наблюдается схожая ситуация, но со стороны другой конфессиональной группы: «к местным властям и православному населению молокане относятся миролюбиво»²². Притом, что в Усть-Медведицком округе за 1899 г. написано: «К властям и православному населению относятся враждебно»²³.

Таким образом, политика имперских властей в рассматриваемый нами период менялась. Попытки пересмотра законодательства в отношении «совратившихся», хотя и приобретали либеральный оттенок, все же позиция государства и церкви оставалась в плоскости необходимости возвращения старообрядцев из «раскола» в официальное исповедание. В свою очередь, на Дону правовые и исторические условия предопределили иной формат и характер законодательного давления в отношении «раскольников».

²⁰ Сочинения / Иоанн (Картушин). Указ. соч. С.29.

²¹ ГАРО. Ф.226. Оп.19. Д.76. Л.9 об.

²² ГАВО. Ф.15. Оп.1. Д.14. Л.30.

²³ ГАВО. Ф.17. Оп.1. Д.8. Л.18.